

НИК ТАРАСОВ

ТРЕТИЙ
ЗАХОД

Ник Тарасов

Третий заход

«Автор»

2026

Тарасов Н.

Третий заход / Н. Тарасов — «Автор», 2026

О чем эта книга? О друзьях. О жизни вокруг и, казалось бы, о таких мелких вещах, которые каждый из нас может сделать, чтоб эта жизнь стала чуточку лучше. Три линии героев, где каждый может увидеть себя со стороны. Или, если не себя, то своего знакомого как минимум. Будет о чем подумать. Юмор, быт, интриги, простые решения сложных проблем.

© Тарасов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четверг	5
Глава 2. Тридцать человек и один крайний	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ник Тарасов

Третий заход

Глава 1. Четверг

Санёк — Александр Ковалёв, наладчик станков с ЧПУ

Есть у меня примета: если в четверг с утра всё валится из рук — значит, вечером будет хорошая баня. Проверено без малого двадцатью годами и ни разу не подвела. Сегодня с утра у меня из рук валилось всё, включая ключ на семнадцать, который я уронил в поддон со стружкой и доставал оттуда, как хирург осколок, — так что баня обещала быть выдающейся.

Я вышел с проходной в шесть, воздух после цеха был сладкий, как компот. У остановки мужики из ремонтного спорили, кто виноват, что «пятёрка» опять встала, — я на ходу вставил, что виноват, как обычно, тот, кто в отпуске, мужики заржали, и я пошёл к маршрутке довольный собой. Артист без зала не живёт.

Дома я успел ровно на два дела: поцеловать Наташку и получить от неё пакет — «там рыба, солёная, по рецепту отца твоего». Ещё я наступил в прихожей на Викину куклу, которая крикнула подо мной так, что дочь выскочила из комнаты с воплем: «Папа, ты раздавил Марусю!» Маруся, к слову, оказалась живучей, как весь их пластмассовый род, — крикнула и дальше лежит, улыбается. Я тоже так умею.

— Опять до одиннадцати? — спросила Наташка для порядка, без нажима. Четверг в нашей семье — величина постоянная, как платёж по ипотеке. Двадцатого — банку, в четверг — в баню. По этим двум точкам можно календарь сверять.

— Наташ, ну ты чего. Как штык к одиннадцати. Ну к половине двенадцатого.

— Рыбу не забудь. И Тёме скажи, что за веники я денег не возьму, у мамы этих веников — сарай ломится. Дуб, берёза, эвкалипт и этот ваш можжевельный, от которого вы все чешетесь, но терпите, потому что мужчины.

Вот за это я жену и люблю. Двадцать лет — а формулировки всё точнее.

До Тёминого посёлка от нас сорок минут, если без пробок, и час десять, если по-человечески. Я ехал по-человечески, слушал, как в пакете шуршит рыба, и думал о том, о чём каждый четверг думаю на этой дороге: как вышло, что нас трое, что мы с института не рассыпались, хотя по всем законам природы должны были. Люди после выпуска расходятся, как круги по воде, — сначала созваниваются, потом лайкают, потом поздравляют с днём рождения на автомате, а потом встречаются на похоронах общего знакомого и говорят: «Надо чаще видеться». Мы удержались. Причина у этого простая и смешная: в две тысячи шестом, на выпускном, пьяный Игорёк встал с бутылкой «Жигулёвского» и сказал: «Клянёмся. Раз в неделю. Что бы ни было». И мы поклялись, потому что были пьяные и молодые. А потом оказалось, что это единственная клятва из всех, которые я в жизни давал, которую оказалось легко держать. Легче, чем не держать.

Посёлок у них называется «Сосновый берег», хотя сосны там три штуки, а берега нет вообще. Зато есть шлагбаум и охранник Володя, который меня знает и всё равно каждый раз спрашивает: «К кому?» Я каждый раз отвечаю по-разному. Сегодня сказал: «К людям, Володя. Просто к людям» — и Володя кивнул так, будто я назвал номер дома.

Тёмин дом за поворотом — большой и чужой. Так его назвал сам Тёма, тихо, после четвёртой: «Хороший дом. Жалко, не мой». Мы тогда с Игорем переглянулись и промолчали, потому что есть вещи, которые в лоб не обсуждают, — их обсуждают, когда человек сам созреет. Тёма зреет двенадцатый год.

А вот баня — баня у них своя. То есть юридически она тоже, конечно, тёщиная, как и всё в радиусе гектара, но по факту — наша. Потому что главное в бане — кто в ней сидит. Сруб — дело наживное.

Тёма встречал у ворот, в валенках на босу ногу и в куртке поверх простыни — он всегда затапливает заранее и к нашему приезду уже наполовину готовый, распаренный и добрый.

— Санёк, — сказал он и обнял меня вместе с рыбой. — Игорь звонил, опаздывает. Планёрка у них.

— В семь вечера планёрка? — Я присвистнул. — Тём, такое в приличных местах называется сектой.

— Ну, у них сейчас период такой.

— У них, — говорю, — период такой с две тысячи девятнадцатого года. Затяжной.

В предбаннике было уже тепло, пахло дубовым листом и немножко дымом — Тёма топил по-хитрому, у него там какая-то финская система, но он в неё специально подкидывает пару поленьев «для духа». Тёща, когда баню ставили, требовала «всё электрическое, чтоб без этой вашей сажи», и Тёма — единственный раз на моей памяти — упёрся. За печку он воевал, как за Сталинград. Печку отстоял. Я иногда думаю: вот бы он ещё за что-нибудь так.

Я выложил рыбу, достал из шкафчика свою простыню — у каждого своя полка, у меня средняя, — и увидел на столе новый берестяной короб — красивый, с крышкой.

— Это чего?

— Это Лера подарила. — Тёма чуть смутился, как всегда, когда речь про его семью. — Для телефонов. Я рассказал ей про наше правило, ей понравилось. Говорит, у вас, оказывается, там регламент строже, чем у мамы в совете директоров.

— Так и есть, — сказал я и первый торжественно опустил свой телефон в короб. Телефон звякнул о сухую бересту, как монета о кружку. — Взнос принят. Кто следующий?

Правило с телефонами у нас с две тысячи шестнадцатого, и появилось оно не на пустом месте. До этого Игорёк умудрялся отвечать на рабочие письма между заходами, сидя в простыне, красный, как варёный, и тыкая в экран распаренным пальцем. Однажды он в таком виде согласовал отгрузку в Нижневартонск вместо Нижнекамска, неделю потом разгребал, и мы с Тёмой ввели закон: телефоны лежат в предбаннике. Доставать можно один раз за вечер и только по делу. «По делу» — это у нас имеет специальное значение, но об этом позже.

Игорь приехал в четверть десятого. Я услышал, как хлопнула дверца, и по одному этому хлопку понял: довели человека, называется. Он вошёл в предбанник в костюме — в четверг, в баню, в костюме, — с лицом цвета мокрого асфальта, и первое, что сделал — посмотрел на часы, мимо нас.

— Так, — сказал я. — Гражданин, вы к кому?

— Извини. — Он стянул галстук, как удавку. — Костина собрание устроила. В семь вечера. Знаешь, как называлось? «Синхронизация по итогам недели». Час двадцать синхронизировались. Итог синхронизации: во всём виновата логистика.

— А логистика — это ты.

— А логистика — это я.

— Телефон, — сказал Тёма мягко и подвинул короб.

Игорь посмотрел на короб, как алкаш на кассу в понедельник. Достал телефон, что-то в нём быстро дотыкал — «всё-всё, последнее», — и положил. И я видел, чего ему это стоило. У человека тридцать подчинённых, три начальника и ноль права на ошибку — по крайней мере, так это выглядит у него в голове. Телефон в коробе тут же завибрировал. Игорь дёрнулся. Мы с Тёмой посмотрели на него. Он сел и стал расшнуровывать ботинки.

— Молодец, — сказал я. — Держись, родной. Первые сутки самые тяжёлые.

Первый заход у нас — молча. Это тоже закон, только его никто не вводил, он сам завёлся, как заводится хороший обычай. Заходим, ложимся-садимся, и минут десять — только печка

потрескивает да Тёма ковшиком шурует. Я это называю «выгнать неделю из костей». Неделя выходит из человека паром, и по тому, сколько её выходит, видно, какая была неделя. Из Игоря сегодня неделя выходила долго. Он лежал на верхнем полке, закрыв лицо руками, и молчал глубже обычного.

Зато на втором заходе человека отпустило, и пошло у нас святое — ерунда. Второй заход — это ерунда в чистом виде, а ерунда, между прочим, самое недооценённое из всего, что есть между людьми. Обсудили: почему «Гранта» жрёт масло (моя), сколько стоит нормальная зимняя резина (Игорева печаль — ему по статусу положено не ниже определённой цены, и он сам над этим ржёт, но покупает), где Санёк берёт такую воблу, и правда ли, что сосед Тёмы по посёлку поставил забор из лиственницы за миллион двести. Тёма сказал — правда, и что тёща уже спрашивала, почему у них забор хуже. Слово «тёща» пролетело у него быстренько, бочком — так проходят мимо знакомого, с которым не хочется здороваться. Но мы заметили. Мы всегда замечаем. Просто не всегда ловим — есть время ловить и время отпускать.

А потом Игорь разлёгся на средней полке и говорит:

— Мужики, у меня новый цирк на работе. Взяли ж девочку в отдел. Умненькая, после универа, зовут Настя. Так мои гвардейцы её съестть решили.

— В смысле съестть? — спрашиваю.

— Ну как. — Игорь хмыкнул. — Классика жанра. Петровна — ну, я рассказывал, грандама клиентского направления, двадцать лет стажа, всех переживёт — при ней свита. И у них теперь любимое развлечение: девочка спрашивает — ей не отвечают. Девочка сделает — переделывают молча и со вздохом. На обед всей стайкой уходят, её не зовут. А на той неделе — вообще анекдот: Настя отчёт подготовила, хороший отчёт, я смотрел. Так Петровна его завернула, потому что — внимание — «у нас так не принято оформлять». Цифры в порядке — придрались к оформлению, к шрифту, к полям. Девочка теперь сидит красная и молчит целыми днями.

Он смешно рассказывает, гад, у него это с института: когда про работу — хоть стой, хоть падай. Я ржал в голос, Тёма улыбался и подливал на камни. Вода уходила в них с сухим выхлопом, и пар шёл сверху вниз, по загравке.

— Нежное поколение, — сказал Игорь, потягиваясь. — Мы же как-то вживались? Меня в первом отделе знаешь как гоняли? За пивом для всего этажа бегал. И ничего, человеком вырос.

— Ну да, — говорю. — Человеком. С давлением сто пятьдесят на сто.

— Давление у меня от синхронизаций, Санёк. Пиво тут ни при чём.

— А девочка-то эта, Настя, — подал вдруг голос Тёма со своего места у печки.

В чужие рабочие дела он лезть не любит, обычно сидит себе с ковшиком и помалкивает. А тут спросил:

— Она вообще как? Ну, сама по себе. Тянет?

— Тянет, — сказал Игорь, не задумываясь. — Голова светлая. Я тот завёрнутый отчёт читал сам, от корки до корки. Ошибок ноль. За одно лето разобралась в таких вещах, до которых у некоторых десять лет руки не доходят.

— А-а, — сказал Тёма и снова плеснул на камни. — Ну тогда понятно.

— Что понятно?

— Да так. — Он пожал плечами, и по нему было видно, что не «так», но развивать он не будет. Тёма никогда не развивает. Он у нас как хорошая приправа — его чуть-чуть, но послевкусие долгое.

Посмеялись. Пар сделал своё дело, история ушла, как уходит любая история второго захода, — в потолок, вместе с паром. Тогда я ещё не знал, что она вернётся. У нас так бывает: байка, рассказанная на втором заходе как смешная, на третьем заходе другого четверга вдруг оказывается совсем не смешной. Как будто ей надо отлежаться, как мясу.

Между заходами пили Тёмин квас — у него квас такой, что я бы за один рецепт тещу терпел, честно, — ели мою рыбу, и Игорь, уже человеческого цвета, рассказывал, как его Митька нахватал двоек по русскому, но зато собрал какую-то программу, которая сама делает домашку по информатике, и теперь Игорь не знает, ругать его или оформлять патент. Я сказал — оформлять, и пусть братву в классе подключает по подписке, пацан с деловой жилкой. Игорь сказал, что я плохо влияю на молодёжь. Я сказал, что молодёжь на меня влияет хуже: Лёха мой вчера спросил, что такое «кассета», и я почувствовал себя экспонатом.

Между вторым и третьим заходом мы вышли на крыльцо — остыть. У нас так заведено с незапамятных времён: стоим втроём в простынях, от нас идёт пар столбом, а над посёлком висят звёзды. В городе звёзды съедают фонари. Тут над головой висит весь преискурант. Октябрьский морозец, и распаренной коже он только в удовольствие.

— А помните, — сказал вдруг Тёма, — как мы в общаге в душ ходили по четвергам? Когда горячую воду давали.

— Это когда Игорёк с комендантшей договорился, что нам можно после одиннадцати? — Я хмыкнул. — Ещё бы не помнить. Я к вам после смены приезжал мыться, у меня дома тогда воду вечно отключали. Ты ей курсовую по экономике сделал, а сказали, что это Игорь сделал, потому что у Игоря лицо надёжнее.

— У меня и сейчас лицо надёжнее, — сказал Игорь с верхней ступеньки. — Мне с этим лицом уже четвёртый год ипотечные брокеры звонят. Чуют.

— Лицо тут ни при чём, Игорёк. У них база данных утекла.

Постояли тихо. Есть тишина, которая идёт за разговор, — вот эта была из таких. У нас за двадцать лет накопились целые тома такого разговора.

— Двадцать лет, мужики, — сказал Тёма тихо, в звёзды. — В июне будет двадцать лет выпуска. Соображаете?

— Не пугай, — сказал я. — Мне и так Лёха вчера объяснил, что я родился в прошлом веке. Говорит: пап, ты литералли из тысяча девятьсотых. Литералли, Тём. Я — литералли.

Игорь засмеялся, и я отметил про себя, что за вечер это первый раз, когда он смеётся всем собой, вместе с глазами. Значит, баня работает и топлёно не зря.

Вернулись в предбанник. Тёма наливал. Себе — не квас. Он вообще-то у нас по этой части аккуратный на людях, но я давно засёк: наливает он себе как-то... по расписанию: щёлкнет у него что-то внутри — и рука сама тянется. Вот сейчас — про забор поговорили, про тещу проскочило — щёлк, и рука сама к бутылке. Я это вижу, потому что двадцать лет смотрю. Игорь не видит, потому что Игорь после своей конторы вообще мало что видит, кроме потолка. Говорить я ничего не стал. Не время. У нас в бане с этим строго: не время — молчи, придёт время — скажется само.

Третий заход — по делу. Это главный наш закон, и он один стоит всех остальных. Первые два захода можно ржать, спорить про резину и врать про рыбалку, но третий — если у кого-то есть что сказать, говорится на третьем. Не перебивать, пока человек не скажет «ну и вот». Советов не давать, пока не спросит «ну и чё делать». Что сказано в парной — остаётся в парной. Всё.

Сегодня третий заход был тихий. Игорь полежал, посопел и сказал только:

— Устал я что-то, мужики. Вот прям... — он пошевелил пальцами, подбирая слово, и не подобрал. — Устал.

— Ну и вот? — спросил я осторожно.

— Ну и вот, — согласился он, и мы поняли, что дела сегодня не будет. Не созрело. Тоже нормально. Баня — она как рыбалка: не каждый четверг клюёт.

Разъезжались в двенадцатом часу. Тёма стоял у ворот в своей куртке поверх простыни и махал — он всегда провожает до машин, такое у него... гостеприимство человека, которому больше негде быть хозяином. Игорь перед выездом полез в короб за телефоном, глянул в экран

— и я увидел, как у него дёрнулась щека. Восемнадцать пропущенных. Я сам видел цифру, через плечо.

— Игорёк, — сказал я ему в открытое окно. — Восемнадцать пропущенных в одиннадцать вечера — это не работа. Это диагноз. Причём не тебе.

— Угу, — сказал он и стал перезванивать, не выехав с участка.

Я ехал домой по пустой дороге и вёз в себе то самое четверговое, ради чего всё: тепло в костях, соль на губах и лёгкость. На заправке у поворота взял Наташке шоколадку — по случаю четверга. Кассирша, зевая, спросила: «Пакет нужен?» — я сказал, что мне нужен отпуск, но давайте начнём с пакета. Она засмеялась. Люблю, когда люди смеются на ночной смене: им нужнее. Наташка не спала — она никогда не засыпает, пока я не приеду, хоть и делает вид. Спросила сонным голосом:

— Ну как мужики?

— Тёма — грустный. Игорь — загнанный. Я — красавец.

— Ничего нового, — сказала жена и уткнулась мне в плечо. — Рыбу-то съели?

— Смели. Твой засол вне конкуренции.

Она засопела довольная. А я лежал и почему-то думал про Игоря. Как он дёрнулся на вибрацию. Как перезванивал с участка, ещё даже не выехав. Кому он там был нужен в одиннадцать вечера, какой такой Костиной. У меня на заводе просто: смена кончилась — всё, Санёк недоступен, станки по ночам не плачут. А у него, выходит, ночная жизнь устроена по-другому. Каждый вечер.

Засыпая, я решил, что в следующий четверг вытащу из него это «устал» на третьем заходе. Клещами вытащу. У меня и клещи есть.

Знать бы мне тогда, какой он будет — следующий четверг.

Но это я вперёд забегаю, а вперёд забегать у нас в бане тоже не принято.

Глава 2. Тридцать человек и один крайний

Игорь Крылов, начальник отдела логистики холдинга «Меркурий»

Будильник у меня стоит на шесть десять, но просыпаюсь я в шесть ноль четыре. Каждый день, шесть лет подряд, организм срабатывает раньше будильника, как будто боится, что его уличат в опоздании. Я лежу шесть минут в темноте, слушаю, как дышит Оля, и составляю в голове список. Понедельник — список на неделю, остальные дни — список на день. Сегодня четверг, значит, список короткий, потому что вечером баня, а баня — это единственный пункт в моей жизни, который не переносится. Всё остальное переносится. Отпуск переносится четвёртый год, стоматолог сдвинут трижды, а по разговору с сыном я давно потерял счёт.

В шесть сорок я выезжаю. Наш город по утрам — это очередь из машин, в которых сидят люди, которые не выспались, и все едут делать вещи, которые не хотят делать, чтобы платить за машины, в которых сидят. Я это сформулировал как-то Сане, он заржал и сказал: «Игорёк, ты почти дорос до анекдота, ещё немного — и станешь человеком». Смешно ему.

По дороге я слушаю голосовые от Шевцова — они у меня вместо музыки. Шевцов — мой непосредственный, директор департамента, — записывает голосовые по ночам. У него бессонница, а у меня, соответственно, утренняя рубрика: семь голосовых, самое короткое — минута сорок. Суть всех семи сводится к одному: «Игорь, проконтролируйте». Проконтролировать нужно то, что я проконтролировал вчера, о чём отчитался позавчера письмом, которое он не прочёл, потому что читает только то, что ему пересылает Костина. Такой у нас документооборот.

Офис «Меркурия» — одиннадцать этажей стекла. Логистика на четвёртом. Захожу в восемь двадцать: по опенспейсу уже плывёт запах кофе и вчерашних отчётов. Мои тридцать человек уже на местах. Я, когда прохожу утром между рядами, знаю про каждого всё, чего не пишут в личных делах: у Семёныча теплица и внуки-двойняшки, у Маринки из клиентского мать после операции — потому и отпрашивается по средам. Дэн наверняка опять взял кофе в долг в автомате — там можно, если знать нужную кнопку и не стесняться. Между этими рядами, в восемь двадцать утра, я почти счастливый человек, у которого есть своя маленькая страна. Это чувство живёт минут десять. До планёрки.

Планёрка у Костиной по четвергам в девять. Зал на третьем, стеклянный, его у нас называют «аквариум», и это точное название: все снаружи видят, как ты тонешь, и никто не может помочь.

Костина — заместитель генерального. Ей пятьдесят два, у неё безупречный блейзер, безупречная укладка и голос, которым можно резать металл. Говорят, двадцать лет назад она была лучшим закупщиком города. Верю. Она и сейчас закупает — только теперь оптом покупает наши четверговые утра.

Сегодня в повестке — «итоги месяца по цепочке поставок». Перевожу на русский: будут искать, кто виноват в срыве сроков по трём северным магазинам. Я знаю, кто виноват, — сроки сорвал перевозчик, которого продал Быков, наш коммерческий директор, вопреки моей служебной записке. Записка у меня с собой. Лежит в папке. Папку я сжимаю, как гранату.

— Начнём с приятного, — говорит Костина, листая слайды. — Показатели доставки по городу выросли на одиннадцать процентов. Отличная работа коммерческого блока. Аркадий Петрович, поздравляю.

Аркадий Петрович — это Быков. Он кивает с достоинством: заслужил — принимает. Одиннадцать процентов — это моя работа. Это мы с Семёнычем в августе перекроили маршруты по городу, я три субботы просидел над картой, Оля тогда сказала «у тебя роман с логи-

стикой», и мы поссорились. Одиннадцать процентов — это тот еще роман. Быков к нему имеет то отношение, что однажды прошёл мимо моего кабинета, когда мы считали.

Я открываю рот. Я успеваю сказать: «Коллеги, справедливости ради...»

— Игорь Валерьевич, — Костина поднимает глаза от слайдов, и температура в аквариуме падает градусов на десять. — Как хорошо, что вы обозначились. Как раз переходим к вам. Север. Три магазина. Пустые полки в выходные. Объяснитесь.

И я объясняюсь. Пятнадцать минут я объясняюсь — с цифрами и датами, со сроками подачи машин. Про главное молчу: перевозчика «Транс-Регион» нам навязали, тарифы у него выше рынка, машины старые, и я предупреждал об этом письменно ещё в июле. Причина молчания сидит напротив: перевозчик — Быкова, а войну с коммерческим директором начальнику отдела не выиграть. Я говорю обтекаемо: «подрядчик не выдержал график». Я всё жду, что Шевцов — мой непосредственный, мой прямой руководитель, который эту записку читал и визировал, — вставит хоть слово. Шевцов изучает свой блокнот. У Шевцова талант: в любой момент, когда надо кого-то защитить, у него в блокноте обнаруживается что-то невероятно важное.

— То есть подрядчик виноват, а вы — нет, — резюмирует Костина. — Удобная позиция, Игорь Валерьевич. Знаете, чем славится логистика? Логистика славится тем, что у неё всегда виноват кто-то другой: погода, дороги, подрядчик, звёзды не так встали. А отвечает почему-то весь холдинг своей выручкой. Сядьте.

Я сажусь. Щёки горят, как в школе. Мне сорок один год, у меня тридцать человек в подчинении, только закрыта ипотека, сын в восьмом классе, и я сижу в стеклянном зале, красный, как двоечник, и восемнадцать человек смотрят кто куда — в стол, в телефон, в окно. Только Веня из моего отдела — я его беру на планёрки протоколировать — смотрит на меня. Сочувственно так. Веня всегда смотрит сочувственно. Заново в протокол задним числом, отдельной строкой: сочувствие — тоже вид отчётности, и оно тоже кому-то сдаётся. Строку эту я тогда не подшил.

После планёрки в лифте меня догоняет Быков. Хлопает по плечу:

— Не бери в голову, Валерьич. Она сегодня не с той ноги. А по северу — ну, разберись там с этим «Транс-Регионом», построй их. Ты же можешь, когда хочешь.

И выходит на третьем этаже. Построй их. Его перевозчик, его тарифы, его договор — а строить мне. Я тоже выхожу из лифта и понимаю, что произошло сейчас, в эту секунду: провал по северу официально переехал из его кабинета в мой. Без единого документа, одним хлопком по плечу. Высший пилотаж. Двадцать лет буду работать — так не научусь. И слава богу, наверное.

В десять тридцать ко мне в кабинет просачивается Веня. Веня — ведущий специалист, тридцать два года, всегда свежая рубашка, всегда первым здоровается с охраной. Он приносит мне кофе — я не просил, но он приносит, у него это называется «шёл мимо кофемашины».

— Игорь Валерьевич, вы сегодня блестяще держались. — Он ставит стакан ровно на подставку, единственный человек в отделе, который попадает на подставку. — Я, кстати, слышал краем уха: Аркадий Петрович после планёрки заходил к Елене Аркадьевне. Минут на двадцать. Не знаю, о чём, но... подумал, вам полезно знать.

— Спасибо, Веня.

— Я на вашей стороне, Игорь Валерьевич. Вы же знаете.

Он выходит бесшумно, как медбрат. Полезно знать. Веня постоянно приносит мне «полезно знать» — кто к кому заходил, кто что сказал у кулера. Я это слушаю вполуха: сплетни. Мне и в голову не приходит спросить себя простую вещь: если человек носит информацию вниз, почему я решил, что он не носит её вверх? Вопрос числится в моём списке невыясненных. Список у меня длинный, ведётся аккуратно, и почти всё в нём закрывается с опозданием на полгода.

В обед иду в столовую с Семёнычем. Семёныч — мой замначальника по складу, шестьдесят один год, работает в логистике дольше, чем существует слово «логистика», — раньше это называлось «снабжение и сбыт». Мы берём по бизнес-ланчу за триста сорок, и Семёныч, разламывая хлеб, спрашивает:

— Опять порола?

— Опять.

— Ты вот скажи мне, Валерыч. — Он жуёт неторопливо, по-стариковски. — Тебе оно надо? Не в смысле увольсы, куда ты денешься. А в смысле — чего ты им всё доказываешь? Докажешь одно — они тут же придумают следующее. У них там наверху конвейер по производству виноватых. План перевыполняют.

— Порядок должен быть, Семёныч.

— Должен, — соглашается он и отламывает ещё кусок хлеба. — Только у нас с тобой разный порядок, Валерыч. Я тебе историю расскажу. В восемьдесят седьмом у нас начальником цеха поставили одного — Стрельцов фамилия, царствие небесное. Он завёл правило: любая деталь, ушедшая в брак, разбирается лично им, при бригаде, без исключений. Через год у него в цеху брак упал втрое. Сам он за этот год поседел — весь, целиком, будто мукой обсыпало. Я тогда в первый раз понял, что у порядка есть цена. Держит её на себе тот, кто порядок наводит, лично, своей шкурой. Ты вот мне скажи, кто у тебя в конторе эту цену платит. Наверняка найдётся какая-нибудь новенькая, окладом раза в три меньше твоего, — вот про неё на досуге и подумай, чем она у вас там расплачивается за чужой порядок. Я сорок лет в этом городе на обед хожу. Обе породы за эти годы перепробовал, и научился их различать с одного взгляда.

Я записываю это мысленно, чтобы вечером рассказать в бане, и тут же забываю, потому что звонит распределительный центр. Дальше день катится по расписанию: в час селектор, а в два ко мне заходит Настя с анализом по возвратам.

Про Настю надо сказать. Взяли её в июне, на усиление аналитики. Резюме было лучшее из сорока: красный диплом и стажировка в крупной рознице. Первый месяц я был доволен, как кот: она за три недели вычистила базу поставщиков, которую три года никто не трогал. А потом я стал замечать вещи, которые сам не хотел бы замечать. В обед она сидит одна за столом со своим контейнером — весь отдел к этому времени уже разбредается стайкой по кафешкам. Что-то спросит у Петровны — получит три слова через плечо, не поворачивая головы. Отчёты ей возвращают с красной ручкой по полям: исправлено оформление, к цифрам претензий нет, только оформление вечно хромает.

Сегодня Настя кладёт мне на стол анализ по возвратам и остаётся стоять перед столом, мнёт край папки — прежде за ней такого не водилось, уходила сразу.

— Игорь Валерьевич, можно вопрос? — Голос у неё ровный, заранее выученный наизусть — я сам таким с Костиной разговариваю. — Я что-то делаю не так? Вы скажите прямо, я исправлю. Просто я не понимаю. Я стараюсь, а...

И замолкает. А я, четырнадцать лет как руководитель, — в отпуске даже книжку прочитал про эмоциональный интеллект, — говорю:

— Настя, вам кажется. Работайте. Коллектив у нас требовательный, зато людей ценит. Притрётесь.

Она кивает и уходит. Спина прямая, шаг ровный — так по коридору ходят люди, которые считают до десяти про себя.

А через полчаса я иду к кулеру и вижу сцену. У кулера — Петровна со свитой: Людмила Ивановна и Ирочка, которой сорок пять, только звать её иначе за все годы никто и не пробовал. Настя подходит со своей кружкой, и разговор обрывается сразу, без перехода, как будто кто-то щёлкнул тумблером. Она наливает воду молча. Молчание стоит такое плотное, что хоть режь его на куски. Потом Петровна говорит, глядя куда-то в пространство поверх Насти: «Некоторые думают, что если институт закончили, то можно старших не спрашивать». Ирочка усмехается в

кружку. Настя уходит, не оборачиваясь. Дверь за ней закрывается, и голоса за спиной оживают снова: «...так вот, я ей и говорю: рассада — это же целая наука...»

Я всё это вижу. Стою в трёх метрах, жду свою очередь к кулеру — тишину вижу, «некоторых» слышу, Ирочкину усмешку в кружке разглядываю подробно, будто мне за это отдельно платят. А думаю я в этот момент простую вещь: бабские разборки, само рассосётся, не лезть же мне в кто-с-кем-не-разговаривает. У меня север горит, там реальные полки пустые, а тут — рассада.

Наливаю воду и ухожу. И вот что здесь существенно: у меня в тот момент даже мысли не мелькает, что я только что сделал. А сделал я вот что: я был единственным человеком, который мог остановить это одним предложением, — и я промолчал. В моём отделе. На моей территории. При мне.

Я возвращаюсь к письму про север и через минуту уже не помню этого разговора. Вот честно — не помню. Вспомню сегодня же вечером, в бане, когда Тёма спросит своим тихим голосом, тянет ли она.

В четыре звонит Оля. Я вижу её имя на экране и нажимаю «занят» — на автомате, даже не подумав, потому что параллельно у меня висит распределительный центр на второй линии. Через минуту приходит сообщение: «Мить получил 2 по русскому. Учительница просит подойти. Я не могу во вторник, сможешь ты?» Я пишу: «Посмотрю календарь». Посмотрю календарь. Эту переписку я потом перечитаю целиком, лёжа на спине и разглядывая чужой потолок, — «посмотрю календарь» в ответ на вопрос про родного сына, — и мне станет физически стыдно, до жара. А сейчас — нормально. Я с этим сообщением обращаюсь ровно так же, как с заявкой от склада: фиксирую запрос, подбираю ресурс, закрываю в календаре и еду дальше по своим делам.

В шесть вечера, когда нормальные люди едут домой, у нас начинается вторая смена: время, когда начальство свободно от совещаний и начинает генерировать задачи. В шесть десять — Шевцов: «Игорь, зайдите». Захожу. У Шевцова на столе — распечатка моей презентации по оптимизации складских остатков. Я её делал месяц, по вечерам.

— Смотрел ваши предложения. — Он листает, не глядя на меня. — Сыровато, Игорь. Но направление любопытное. Оставьте, я поэкспериментирую.

Перевожу: похоронит в ящике. А может, через месяц я увижу эти слайды на совете директоров под его фамилией — в прошлый раз было так. Я говорю: «Конечно, Андрей Михайлович». Слово это у меня уже как мозоль на языке.

В семь — звонок Костиной: «Синхронизация по итогам недели». Час двадцать. Смысл мероприятия не поддаётся пересказу, потому что смысла нет; есть ритуал: она говорит, мы записываем. Я сижу и думаю про баню: топится уже, наверное, Санёк едет со своей рыбой, а мне ещё пилить за город — если она закруглится в восемь, успею к третьему заходу. Она закруглится в двадцать минут девятого. Финальная фраза — мне: «И, Игорь Валерьевич, по северу жду от вас планов мероприятий. Завтра к обеду». План мероприятий — это такой жанр: его никто не читает, зато без него не подписывают ни один следующий документ, и в этом смысле он бессмертнее любого отчёта, который читают. Я киваю. Конечно.

В баню я вваливаюсь в четверть десятого, в костюме, с лицом, как говорит Санёк, «цвета мокрого асфальта». Кладу телефон в короб — он тут же вибрирует, и я дёргаюсь, как от тока. Санёк что-то шутит про первые сутки. С мужиками у меня отдельная планета: за два захода из меня выходит весь «Меркурий», с Костиной, Быковым и планами мероприятий. Я даже про Настю рассказываю — смешно рассказываю, сам смеюсь. «Нежное поколение». Тёма спрашивает, тянет ли она. Тянет, говорю. Голова светлая.

Домой приезжаю в четверть первого. В квартире темно. На кухне под полотенцем — тарелка: Оля оставляет мне ужин, как оставляют еду коту, который гуляет сам по себе. Я ем

стоя, у мойки, не включая свет, чтобы никого не разбудить, и посудомойку не запускаю — гудит.

Прохожу мимо Митькиной комнаты. Из-под двери — полоска света. Час ночи. Я приоткрываю дверь: спит. Уснул с телефоном в руке, экран ещё горит — какой-то чат, мелькают сообщения. В четырнадцать лет я бы тоже не спал, если б у меня в кулаке помещался весь мир. Я вытаскиваю телефон из его пальцев — осторожно, как сапёр, — кладу на стол экраном вниз. Сын ворочается, бормочет что-то невнятное — вроде «подожди» кому-то из своего чата. На макушке торчит хохолок — в точности такой, как у меня и у моего отца. Это наследство перешлось само, без всякого моего усилия, — жаль, остальное так не работает.

Стою и смотрю. Есть у меня такая привычка, о которой никто не знает: постоять у спящего сына. Это единственное время, когда мы с ним не ссоримся из-за оценок. Когда он спит, у нас идеальные отношения.

— Спокойной, Мить, — говорю я шёпотом.

Он не слышит. Оно и к лучшему: не услышит — не съязвит.

Ложусь рядом с Олей. Она не спит — я знаю, что не спит, по дыханию, — но мы оба делаем вид. Так проще. Разговоры после часа ночи опасные, они начинаются с «как дела», а заканчиваются «так больше нельзя». Завтра пятница. План мероприятий к обеду. Потом выходные — Шевцов любит присылать голосовые в субботу утром, «пока мысль свежая». Потом понедельник.

Я засыпаю и вижу странный сон: наш аквариум на третьем этаже, только воды в нём по настоящему — по грудь. И все сидят на своих местах, в костюмах, по грудь в воде, Костина листает слайды, и никто не говорит вслух, что вода прибывает.

Организм разбудит меня в шесть ноль четыре. За шесть минут до будильника. Он у меня дисциплинированный, мой организм: сорок один год без единого замечания, без единого больничного, всегда раньше срока.

Свожу день по форме. Планёрка — минус. Север — минус. Настя — вопрос снят формулировкой «притрётесь». Сын — перенесено. Баня — плюс. Баланс сходится.

У меня всегда сходится. Я умею закрывать период, вынося неудобное в следующий. Неудобное это, надо отдать ему должное, ждёт терпеливо и предъявляется всё сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.